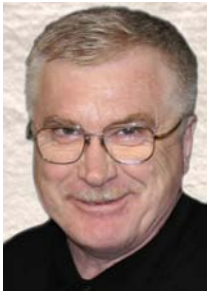
«То, что мы не говорим, говорит о нас больше, чем то, что мы говорим»



Наш гость — лингвист Максим Кронгауз

Интервью ведут Михаил Вяткин и Владимир Касютин

Беседа прошла в онлайне. Фото из аккаунта Максима Кронгауза в сети Фейсбук

- БОРЬБА БОРЬБЫ С БОРЬБОЙ
- ПРЯНИК ДИКТАНТА
- «ДУБИНА» ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ
- ЁФИКАЦИЯ
- ПИСЬМЕННАЯ БОЛТОВНЯ
- ОДИН ЯЗЫК — ДЛЯ МОЛОДЫХ, ДРУГОЙ — ДЛЯ ПОЖИЛЫХ?
- САМОУЧИТЕЛЬ ОЛБАНСКОГО
- ЧТО ДЕЛАТЬ С МАТОМ?
- ТАЙНА БОЛЬШОЙ БУКВЫ
- НУЖНО ЛИ ВЫМАРЫВАТЬ СМАЙЛИК?

Максим Анисимович Кронгауз (род. 11 марта 1958 года, город Москва) — советский и российский лингвист, доктор филологических наук, профессор РГГУ и НИУ ВШЭ, первый заместитель председателя Комиссии по развитию высшего образования и науки Общественной палаты РФ.

Окончил отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета.

Работал научным редактором в издательстве «Советская энциклопедия». Работу в Российском государственном гуманитарном университете начал старшим преподавателем, потом доцентом, профессором. Был заведующим кафедрой русского языка, а в 2000—2013 годах директором Института лингвистики РГГУ].

Член редакционной коллегии научных журналов «Russian Linguistics» и «Русская речь».

1. БОРЬБА БОРЬБЫ С БОРЬБОЙ

ВЯТКИН
Добрый день, Максим Анисимович!
Русский язык в последние годы меняется. Есть люди, которые рады этим переменам, есть те, кому хочется оставить язык в неизменном виде. Насколько процессы, которые происходят сейчас в русском языке, похожи или, может быть, сильно отличаются от тех, которые происходят в других европейских языках? И в плане самих изменений, и в плане государственного регулирования национальных языков?

Вы сказали «в последние годы», но эти последние годы растянулись, и довольно сильно. Этот счёт мы должны вести с начала перестройки, или, может быть, с девяностых, в любом случае, наблюдаемому явлению десятка три лет или даже больше. Так что это уже некий устойчивый процесс.
Мы долго живём в этих изменениях, а молодые люди, и даже уже не совсем молодые, лет сорока, выросли в этих изменениях. Это тоже надо обязательно учитывать, потому что такое состояние языка для многих естественно. Но мы-то с вами помним и другие времена, когда всё было гораздо стабильнее.

Что касается вашего вопроса, то его, безусловно, надо делить на две части. Во-первых, похожи ли состояния языков, и, второе, похожи ли формы и методы регулирования языков.
Если мы говорим о состоянии, то по большому счёту сравниваем русский язык с «большими» языками, то есть с языками, у которых большое число носителей, с языками, которые активно представлены в интернете, то, в общем, процессы схожи.
И сходство определяется внешними причинами, потому что изменения последних тридцати лет, то есть причины этих изменений лежат вне языка. Эти причины связаны с социальными изменениями, это причины — технологические и технические.
Грубо говоря, это прогресс, который нас накрыл за эти годы. И отчасти это глобализация, то есть разрушение жёстких перегородок, культурных и эволюционных, между странами, в которых используются сравниваемые языки. Здесь всё схоже, но происходит немного по-разному, потому что социальные изменения нас коснулись в несколько большей степени, чем Европу, потому что у нас была Перестройка. Хотя некоторых стран это тоже коснулось значительно, например Германию, где произошло слияние двух стран.

При сравнении разных языков у нас должна быть определённая исследовательская, аналитическая оптика. И если мы смотрим издалека, то действительно процессы очень похожи и вызваны сходными внешними изменениями. Сюда же, кстати, включается и пандемия, которая оказывает важное влияние, скорее, правда, не на язык, а на коммуникацию, но и на язык тоже...
Если же мы берём более точную оптику, то, конечно, есть нюансы, в том числе и в каких-то социальных событиях. Сильно различаются судьбы английского языка и всех прочих языков. Английский в этом смысле является субъектом влияния, а остальные — объектом влияния английского языка. А русский язык в некоторых ситуациях сам становится субъектом влияния, по крайней мере так было в Советском Союзе. Отчасти и сейчас это происходит по отношению к другим языкам.
Поэтому ответ такой: сходство, безусловно, имеется, в самых общих чертах. Но чем пристальнее мы смотрим, чем ближе мы подходим, тем больше нюансов и различий мы видим.

Что же касается регулирования, то здесь трудно говорить о сходстве. Степень сформулированности, степень проговорённости языковых политик разных государств очень разная. Их вообще сравнивать трудно. Почти всегда есть своя политика у стран с относительно небольшим количеством населения. Если мы возьмём европейские страны, то есть более или менее схожие языковые политики у стран Балтии и стран Скандинавии, их в первую очередь волнует влияние английского языка. Для стран Балтии дополнительным фактором является взаимоотношение с русским языком, прежде всего в Латвии. И понятно, что здесь можно наблюдать нечто общее.

Если мы берём большие страны, то скорее мы найдём больше различий, хотя я не большой знаток языковых политик. Более или менее чёткая языковая политика просматривается у Франции, и она

наиболее последовательна. Там действительно используются барьеры для проникновения английской лексики. Организована поддержка мира французского языка, франкофонии, поддержка всех тех, кто говорит по-французски, поддержка некой общности этих народов, проведение связанных с этим фестивалей и каких-то других мероприятий.

ЧТО КАСАЕТСЯ РОССИИ, СИТУАЦИЮ В КОТОРОЙ Я ГОРАЗДО ЛУЧШЕ ПОНИМАЮ, ТО РОССИЯ ВО МНОГОМ ОРИЕНТИРУЕТСЯ НА ФРАНЦИЮ.

Но это мне видится ошибкой, потому что во Франции гораздо лучше выстроено взаимодействие языковой власти и общества. Под языковой властью я понимаю Французскую академию и Институт французского языка, мнение которых обществом учитывается, хотя, может, и не в полной мере. И конечно, запретительные меры не всегда работают. Но тем не менее работа по замене заимствований на исконно французские слова ведётся, и большое количество французских слов принимается обществом. В России я не вижу аналогичного органа в области языка, к которому бы прислушивалось российское общество и народ в целом. И в этом смысле рекомендации академии имеют гораздо меньший авторитет. И часто это не ложится, если так можно сказать, на естественное развитие языка. Такие рекомендации просто не принимаются. Это видно из того, что у нас борьба с заимствованиями, даже на политическом уровне, началась практически сразу после перестройки, но поток заимствований не ослабевает.

У разных культур, у разных обществ, у разных языков разные проблемы. И поэтому регулирование проблем должно быть разным. Проблемы русского языка даже сформулировать довольно трудно.

Если мы посмотрим на какие-то политические формулировки, то это:

«a» — борьба с заимствованиями;

«b» — борьба с бранью;

«c» — борьба с жаргонами и просторечием.

И если мы говорим о русском языке, эти пункты не могут сформировать языковую политику. В России языковая политика связана не только с русским языком, но и с взаимоотношением всех языков страны. Это отдельная, очень важная проблема — поддержка языков малочисленных народов. Но это всё-таки другое. А сейчас мы обсуждаем проблемы русского языка, и вопрос этот не очень понятный. Существует много проблем, которые раскалывают общество, и государство вроде бы их никак не регулирует. Но, может быть, даже и хорошо, что не регулирует.

Например, проблема, связанная с политкорректностью. Или последние пять — десять лет — споры по поводу феминативов. Они тоже раскалывают общество, по ним нет, используя горбачёвское слово, «консенсуса». Думаю, что хорошо, что государство в это не вмешивается.

Или недавний скандал по поводу свода орфографических правил *(в декабре 2021 года стало известно, что Минпросвещения подготовило новый свод правил орфографии русского языка. — Ред.)*. То есть, если огрублённо, то последовательной языковой политики у нас нет. Хотя отдельные, вполне успешные шаги имеются.

И, в общем, внимание, которое в эти годы уделяется русскому языку и со стороны общества, и со стороны власти, оно в целом ему на пользу, потому что язык становится интересным и важным предметом для обсуждения, для общества.

И даже когда принимаются не очень разумные решения, то всё равно это вызывает дискуссию. А любая дискуссия о языке — на пользу языку.

2. ПРЯНИК ДИКТАНТА

ВЯТКИН

Можно ли уточнить немного то, что вы сейчас сказали, в плане вашей личной позиции? Что бы вы считали важным и необходимым сделать в этой сфере? Насколько власть учитывает мнение научного сообщества, прислушивается ли она к вашему личному мнению, к мнению ваших коллег?

Я думаю, что каким-то образом прислушивается. Я иногда ощущаю, что какие-то мои слова находят отголоски. Не знаю, непосредственно ли меня слышат, или это я просто угадываю какие-то болезненные

темы. И под общим напором происходит формирование общественного мнения, а затем и мнения власти. Я бы не смотрел на это сверхпессимистично. Какое-то взаимодействие есть, хотя это и не прямой живой диалог, а диалог на некотором официальном уровне, на уровне официоза.
Я когда-то входил в какие-то правительственные комиссии, там диалог был практически формальным. И по-моему, высказывания своей точки зрения вне таких диалогов бывает более эффективным, чем высказывание на официальных мероприятиях.
Но вообще-то сделано довольно много. В первую очередь в смысле популяризации русского языка за рубежом, хотя каждый раз это очень сильно зависит от того, кто конкретно реализует программу. Выделяются деньги, какая-то часть из них тратится разумно, какая-то — не очень, но это общие вопросы, и об этом, как-то, бессмысленно высказываться, но, в целом, сделано очень многое.

То внимание, которое есть к русскому языку, привлекает и финансы. Финансируются разного рода мероприятия. Самое известное из них — это «Тотальный диктант». И это очень яркий пример. Ведь казалось, диктант — это довольно скучная вещь. Например, в школе и я, и другие ученики не любили писать диктанты. А сегодня это такое общее увлекательное мероприятие, на которое люди ходят не из-под палки, а для того, чтобы себя проверить, поучаствовать в общем культурном действии. Есть фестивали русского языка. Есть много других интересных событий.
В этом смысле мне всегда казалось, что поддержка языка, я не люблю выражение «защита языка», всегда добивается лучших результатов с помощью пряника, а не кнута. Привлечение к языку через фестивали, через конкурсы, мне кажется, вполне полезная, интересная и нужная деятельность.

3. «ДУБИНА» ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ

ВЯТКИН
Ну а что касается вашей личной позиции в этом вопросе, вы себя относите скорее к новаторам или к консерваторам?

Вопрос неточный, но не в плане критики самого вопроса. А в плане критики моего ответа. По своим ощущениям я бы сказал так — меня все относят к крылу новаторско-либеральному, а я себя ощущаю скорее консерватором. При этом очень важно, с кем я дискутирую, а также в зависимости от того, с кем я не согласен в конкретный момент.
Могу сформулировать так: как лингвисту мне интереснее наблюдать, а не указывать. Но есть лингвисты, которые занимаются нормативной деятельностью и кодификацией языка. Мне эта деятельность не очень интересна, я скорее, люблю наблюдать и описывать. И в этом смысле я всегда за естественное развитие языка и за меньший контроль.

Мне кажется, что контролировать язык — это очень неблагодарное дело и очень редко полезное для самого языка.
Хотя контролировать язык можно и можно вносить в него какие-то изменения. Мы видели это, и живя в

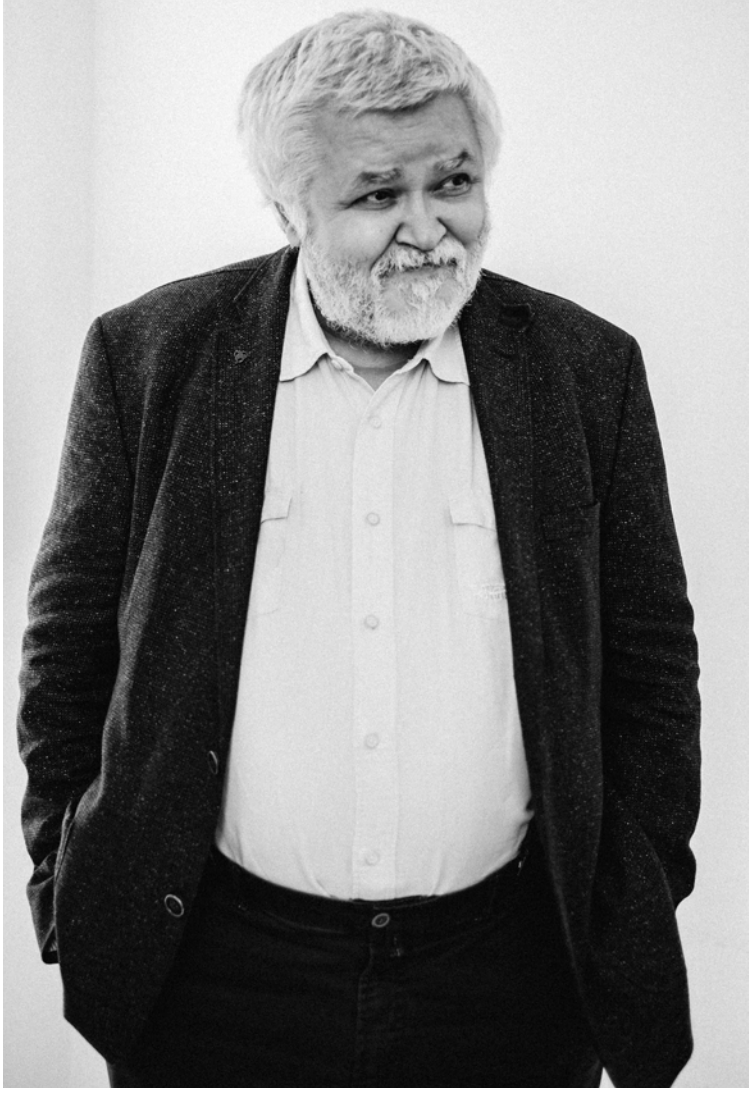
Советском Союзе, и видим очень остро сейчас, когда общественные движения пытаются контролировать и менять язык.

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ ВО ВСЁМ МИРЕ ОЧЕНЬ СИЛЬНО ИЗМЕНИЛА ЯЗЫКИ. Я БЫ НЕ СЧИТАЛ, ЧТО ЭТИ ИЗМЕНЕНИЯ ИДУТ ЯЗЫКАМ НА ПОЛЬЗУ, ИМЕННО В СИЛУ ИХ НЕЕСТЕСТВЕННОСТИ.

Политкорректность вообще-то вызвана благими пожеланиями и соображениями — устранить внутри языка дискриминацию, дискриминируемых сообществ. Но постепенно это стало, не хочется использовать слово «дубиной», скажем мягче — инструментом воздействия разных идеологий на людей.
И во многом методы политкорректности противоречат законам и естественным тенденциям языка.
Язык склонен отражать самые общие вещи и помогать нам говорить нам о важных вещах. А политкорректность стремится придавать повышенное значение точечным, маленьким явлениям, чтобы защитить меньшинства и отдельных людей.

Но если сам язык пытается всё упростить и тем самым облегчить нам коммуникацию, то политкорректность пытается всё усложнить. С позиций политкорректности мы должны думать о неких вещах, о которых раньше не задумывались.
То есть, мы видим, что язык может подвергаться довольно жёсткому воздействию со стороны различных идеологий — от, скажем, советской до идеологий сегодняшних общественных движений.
Мне более интересно естественное развитие языка, хотя я признаю, что язык можно регулировать. Но вот это «можно» совсем не значит, что «нужно». Хотя есть области языка, которые нуждаются в регулировании, и это прежде всего орфография. Здесь хорошо бы сформулировать новые правила.

Вы ещё задали вопрос об отношении учёных и власти. Здесь есть три действующих лица, три актора. Это учёные, власть и общество. И надо сказать, что отношения очень сложные. Здесь нет ни правых, ни



виноватых. Общество боится изменений. Учёные скорее склонны к изменениям, но при этом очень долго изучают объект. А власть хочет очень чётких решений.
И здесь почти никогда не совпадают желания и действия этих трёх действующих сил. И я бы не сказал, что учёные всегда правы, а остальные нет. Здесь сложное взаимодействие. И мы видим, сколько журналистских скандалов бывает, когда общество ругает учёных, потом ругает власть. Власть требует чего-то от учёных, а они не успевают что-то сделать.

Это сложная конфигурация, которую я бы не хотел оценивать.

4. ЁФИКАЦИЯ

КАСЮТИН
Давайте попробуем повернуть беседу в сторону региональной прессы — главного автора и читателя нашего журнала. Многие редакторы и журналисты регулярно участвуют в тотальном диктанте, я усматриваю в этом попытку отстроиться от масс в интернете, которые часто пишут очень неграмотно.

Первый вопрос, очень часто звучащий на встречах с коллегами, касается буквы «ё», ставить её в журналистских текстах или нет? Мы в нашем журнале стараемся ставить всё из тех соображений, чтобы как-то выделиться из массы непрофессиональных информационных ресурсов.

Второй касается правки текстов. Я вижу, как многие редакторы трясутся над каждым словом, над каждой фразой, как это было лет тридцать назад, когда мы какую-нибудь информашку на пять строк правили невероятное количество раз. Пришло время массивов информации, наверное, надо изменить позицию в этом вопросе?

Третий вопрос из моих наблюдений.
Наши журналисты пишут очень водянистые тексты, с длинным началом, пространными размышлениями.
Некоторые так и не ощутили, что время дефицита информации безвозвратно ушло, и надо стараться быстрее рассказать свою историю, пока читатель не ушёл к другим.
Есть мнение, что это не просто недостаток ремесла, а избыточность русского языка. Что вы на это скажете?

Буква «ё» — это совсем конкретный вопрос, на него я могу ответить легко. Так называемая ёфикация, то есть требование всегда писать букву «ё», всегда ставить две точки над буквой «ё» — возможна в редакциях. Но мне кажется, что мы вполне комфортно живём и в нашем, более свободном режиме, когда написание «ё» является факультативным. Это не вопрос о грамотности, это совершенно отдельный вопрос. Долгие годы написание «ё», то есть начертание этих двух точек, было факультативным. И для человека, говорящего по-русски, это вообще не является проблемой.

Есть позиции, где ставить две точки рекомендуется. Нужно ставить две точки в иностранных словах, прежде всего в именах собственных, и в русских словах, где возможны омографы — в словах типа «осёл» и «осел», «всё» или «все», когда отсутствие двух точек заставляет задуматься, какое же перед нами слово? Иногда мы тоже легко выходим из ситуации и не путаем осла с оседанием, то есть существительное с глаголом. А вот «все» и «всё» различить бывает сложно.
И третья рекомендация — всегда ставить «ё» в книгах для иностранцев и для детей, потому что иностранцы и дети не всегда знают, как правильно произносить то или иное слово. Этих рекомендаций, мне кажется, вполне достаточно, и если им следовать, всё будет хорошо.
Хотя и здесь случаются ошибки, на самом деле этот круг может быть чуть шире. Я бы рекомендовал ставить «ё» в именах собственных.

Есть проблемы с иностранными именами. Скажем, как писать Ришелье или Ришельё? Наверное, образованные люди до революции понимали, что это Ришельё. Поскольку в советское время не писали букву «ё», то и произносить стали Ришелье. А вот как произносить в аналогичной ситуации современного французского актёра, получившего российский паспорт — Жерар Депардьё или Депардье? Я честно признаюсь, что не знаю, как произносить его по-русски, но по-французски он, конечно, Депардьё.
Но и в написании русских фамилий это иногда приводит к проблемам. Например, династия художников произносится Рерих. Хотя изначально они имели фамилию Рёрих. И обратный пример: чемпиона мира по шахматам из России все произносят Алёхин, а он настаивал на том, что он Алехин. И как правильно — в соответствии с его требованиями или как уже все привыкли?
Ещё у многих людей возникает проблема с фамилиями, например, Чернышёв. В одном месте её напи-

сали с «е», а в другом с «ё». Здесь для русских имён надо, по крайней мере, приравнять варианты. Сейчас многим людям требуется справка, что это одна и та же фамилия.

НАМ БУКВА «Ё» ИНТЕРЕСНА ИМЕННО ПОТОМУ, ЧТО ОНА ТАКАЯ СТРАННАЯ, ТАКАЯ НЕОБЫЧНАЯ. И ЕСЛИ МЫ ВСЕГДА БУДЕМ СТАВИТЬ ДВЕ ТОЧКИ, МЫ ЭТУ НЕОБЫЧНОСТЬ УНИЧТОЖИМ.

Это мой первый аргумент «против», но это скорее эстетический аргумент.
А аргумент практический состоит в том, что мы привыкли не писать букву «ё», хотя сегодня нам компьютер часто подсказывает, что нужно «ё», и даже иногда производит замену. Мы привыкли не писать букву «ё», и если нас заставят писать эту букву всегда, то будем делать огромное количество ошибок.
Даже контролируя себя, скажем, в корнях слов, скорее будем соблюдать, а на стыках слов, например в каком-нибудь окончании глагола — «идёшь», будем часто забывать об этом. Контролировать правописание окончаний и суффиксов гораздо труднее.
В этом заключается мой второй аргумент.

Ряд издателей используют ёфикацию как коммерческий приём. Некоторые популярные книги, например книги о Гарри Поттере, издавали вначале в обычном варианте, а потом в ёфицированном.
И удавалось любителям буквы «ё» продать два экземпляра книги вместо одного.

5. ПИСЬМЕННАЯ БОЛТОВНЯ

Второй вопрос, касающийся редактуры и корректуры, — это вопрос, на который действительно нет единого ответа. И мой ответ «да» или «нет» здесь роли не играет. Мы понимаем, что общение в интернете, которое происходит в основном письменным образом, значительно изменило отношение к письму как к таковому.
И это не сочинение, не статьи и не монологи, а очень часто именно болтовня (не в негативном

смысле). Мы болтаем друг с другом письменно.
И требовать абсолютной грамотности в интернете не можем, потому что тогда прекратится общение. Общение для людей настолько важно, что скорее мы будем пренебрегать грамотностью, орфографической и пунктуационной. Требования к письменному языку в интернете гораздо мягче, чем привычные требования к текстам в журналах, в газетах, в книгах.

Мир интернета и этот реальный мир не имеют чётких границ. Происходит определённая экспансия интернет-общения, интернет-привычек в общий мир.
И, конечно, к письменному тексту сегодня мы относимся менее строго, чем в старые добрые годы, когда интернета не было. Но надо ли менее строго редактировать и менее строго корректировать? Считаю, что такую рекомендацию я дать не могу. И не хочу.

Мы прожили девяностые, когда институт корректуры был отчасти разрушен. Было дорого, экономили, книги выходили без корректора. Но ошибки и опечатки очень неприятны, грамотных людей они очень раздражают по-прежнему. Так что в принципе я за то, чтобы и корректура, и редактура сохранялись.

Увы, в реальности отношение к письменному тексту сегодня гораздо менее строгое, менее требовательное. И по факту уже никто не будет пристрастно вычитывать текст. И наш глаз уже не вздрагивает от слова «щас», написанного с помощью трёх букв, а не с помощью шести. То есть мы стали гораздо более толерантны к неграмотности. И это неизбежно влияет на редактуру и на корректуру.
Я бы сказал так: тут надо различать идеальное и реальное. Я, как представитель культурного слоя, продолжаю настаивать на тщательной редактуре. Но требовать можно, а вот выполнять — не всегда обязательно. Новое поколение вообще выросло в этом поле.

6. ОДИН ЯЗЫК — ДЛЯ МОЛОДЫХ, ДРУГОЙ — ДЛЯ ПОЖИЛЫХ?

КАСЮТИН
Замечательный ответ. В общем, в нашей жизни так и происходит. В каких-то редакциях очень серьёзно относятся к текстам, а в каких-то проще. И, вот, наконец, последняя часть этого вопроса про некоторую избыточность языка.
Он действительно слишком богат, и поэтому люди так многословны в нашей стране? Особенно журналисты?

Вопрос об избыточности русского языка чёткого ответа тоже не имеет. Если мы сравниваем письменный и устный язык, то они всегда различались довольно сильно. В России это очень разные языки — и синтаксически, и грамматически, и лексически. Сегодня я читаю лекции студентам и иногда, случайным образом, натыкаюсь на то, что им неизвестны слова, про которые я и предположить не мог, что они им неизвестны. Потом я понимаю, что какое-то слово оно в общем-то книжное, встречается только в письменных текстах. И если не читать эти письменные тексты, то его неоткуда узнать. В устной речи мы это слово не употребляем.
Даже если это какие-то простые глаголы, не то что какое-то научное слово, например «амбивалентный». А вот слово — «чураться». Я сам в речи никогда его не произнесу, но я его знаю. А современный молодой человек его может не знать, потому что он не читал классическую литературу.
И страдает от этого так называемый пассивный словарный запас. Он может быть активным у писателя, но у обычного человека это — пассивный запас.
И наш язык в этом смысле беднеет. Потому что сегодня для нас письменный язык — это прежде всего язык интернета, но по сути же это — устный язык. Формально он письменный, но по сути устный.

Я уже сказал, в интернете мы болтаем друг с другом, и это — диалог, беседа, разговор. И там совершенно не нужны многие слова. Так что говорить о том, что письменный язык в целом бедный, нельзя. Бедный — это интернет-язык, разговорный язык, язык бесед. Но, опять-таки, чёткой границы не существует. А читать большие классические романы молодые люди не то чтобы перестали, но стали читать гораздо реже. И да, это влияет на язык и определённое обеднение происходит.

Никто, впрочем, не оценивает обогащение языка, а оно тоже огромно. Много слов уходит, но много слов и приходит. Безусловно, мы страдаем, когда уходят красивые русские слова. Но появилось огромное количество заимствованных слов, и мы не оцениваем это положительное явление. А это — новая лексика.

Итак, если мы говорим о языке интернета, то мы не должны сравнивать его с языком литературы. Язык литературы — это письменный язык, и он сложнее по всем параметрам.
А когда мы говорим о лексике, то мы видим просто перераспределение областей. Уходят слова, связанные с уходящими из нашего поля зрения областями и, в частности, с природой, что, конечно, очень жаль. Но приходит огромное количество слов, связанных с гаджетами, с другими техническими новинками, с какими-то ещё важными для сегодняшнего молодого человека областями.

Здесь действует наш возрастной консерватизм, когда наши дети и внуки знают немного другой русский язык, чем мы. И нам не очень интересно, что они знают какие-то слова, которые мы не знаем. Возникает ощущение, что мы не даём права молодому человеку иметь свой лексический запас, отличный от нашего. Мы требуем от него, чтобы он знал наши слова и не знал свои, новые.
Мне кажется, этот консерватизм не очень справедливый, хотя и важный для того, чтобы сохранялась связь поколений.

ЧТО КАСАЕТСЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ВЕЩЕЙ: КАК ПИСАТЬ? СЕГОДНЯ ОЧЕНЬ РАЗДРАЖАЮТ МНОГИХ ЧИТАТЕЛЕЙ ПИСЬМЕННЫЕ КРАСИВОСТИ, ЛИТЕРАТУРНОСТИ

И прекрасный язык Пришвина, и похожие на него сегодняшние языки у многих вызывают дикое раздражение именно своей красивостью. Но это — отдельная проблема, потому что наша сегодняшняя речь гораздо более рациональна.

И я думаю, что эта смена журналистских стилей, можно сказать более пафосно — смена речевых парадигм, неизбежна. И журналиста, увлекающегося письменным языком, в старом смысле, то есть языком литературы, скорее не будут читать внимательно, а будут пропускать, как когда мы школьниками пропускали описания природы, например у Толстого или у Тургенева.

7. САМОУЧИТЕЛЬ ОЛБАНСКОГО

ВЯТКИН
Можно ли немного уточнить? Вероятно, лингвисты проводят исследования этих новаций в языке. И особенно в интернет-языке.
Можно ли на каких-то ресурсах познакомиться с результатами этих исследований, и излагаются ли они достаточно популярно, чтобы люди, не владеющие научной терминологией, могли бы достаточно легко их понять? Ведь судьбой языка интересуются многие. Что вы порекомендуете?

Эта тема безусловно очень важная. Уже полтора десятка лет выходит много литературы по этим вопросам. Есть какие-то статистические исследования. Защищаются курсовые работы, дипломы и диссертации. Но наука устроена так, что, как правило, это очень локальные темы. Ну, например, изучается чат любителей садового искусства и затем делаются какие-то выводы. Вряд ли это будет интересно не специалистам, даже не из-за языка, а из-за мелкости тем.
К тому же материалы очень сильно разбросаны. Можно ли указать какое-то одно конкретное место их сбора, не знаю.

Я сам написал две книжки, как мне кажется, очень важных в этой области. Одну — собственно про философию этого языка, про новации, про аббревиатуры и про искажение языка. Эта книжка популярная, рассчитанная на широкого читателя, называется «Самоучитель Олбанского», вышла в 2013 году *(Олбанский — это жаргонное слово из интернета. — Ред.)*.

Позднее вместе с коллегами мы создали очень любопытный словарь. Он так и назывался «Словарь языка интернета.ru», он вышел в 2017 году и отразил состояние интернет-языка на тот момент, а также то, что происходило до этого.
Это две научные работы, которыми я горжусь.
И они предназначены широкому читателю.

8. ЧТО ДЕЛАТЬ С МАТОМ?

КАСЮТИН
О том, что вы назвали «изменением иерархии», сегодня молодые люди и даже дети ведут себя гораздо независимее, чем мы в своё время, что, вероятно, связано с тем, что они быстрее достигают финансового успеха и начинают зарабатывать, порой даже больше, чем старшее или среднее поколение. Возможно, поэтому многие представители нового поколения, не стесняясь, громко ругаются и на улице, и в интернете?

ВЯТКИН
Стоило ли законодательно запрещать использование обсценной лексики? Не приводят ли запреты и

табуирование к прямо противоположному результату — культурная значимость и сакральность мата начинает только возрастать.

Здесь, как и почти ко всем явлениям в языке, у меня такое шизофреническое отношение. То есть мнение раздваивается. И мнение внутреннего лингвиста не совпадает с внутренним мнением просвещённого обывателя, то есть обывателя, заинтересованного в культуре и языке.
Я сам мат использую крайне редко и в очень ограниченном наборе ситуаций. Я не люблю мат, не люблю его слышать на улице, когда рядом матерятся. Но как лингвист я отношусь к мату с большим уважением. Это очень интересный семиотический фактор.
Существование табуированной речи чрезвычайно любопытно. Наши табу говорят о нас много. То, что мы не говорим, говорит о нас больше, чем то, что мы говорим.

И мат — это набор слов или корней, которые без запрета существовать не могут. Если мы запрет снимаем, то мат теряет всю свою силу, всю свою энергию. И это мы видели, вообще-то говоря, в 1990-е годы, когда свобода слова была воспринята расширительным образом, не только как борьба с политическими запретами, но и как борьба с культурными запретами. И даже с орфографией боролись.
И мне кажется, что 1990-е годы показали, что чем меньше запретов, тем менее интересен мат как явление. Отсутствие запретов приводит к его разрушению. Мат вместо сильного оружия становится такой пылью, которая покрывает весь язык. К речи человека, матерящегося через слово, мы вряд ли будем относиться с уважением.

Нужно умение сказать это слово в какой-то очень важной ситуации, скажем, рассказывая анекдот.
В анекдоте его неожиданное разрешение называется пуантом. И мат, попадая в эту позицию, в позицию пуанта, как раз выплёскивает свою энергию. И в ответ происходит общий взрыв смеха. Потому что мат как бы усиливает пуант, разрушая табу, делает его более неожиданным.

Я считаю, что мат надо сохранить как уникальное явление, а не браниться постоянно. Но для этого и нужны определённые табу. И совершенно понятно, что если мы их утратим, то их очень трудно восстановить. Общество в целом расколото: есть люди, которые требуют полного запрета мата, и есть люди, которые говорят: дайте нам материться, не смейте запрещать.
Поэтому я считаю, что запреты полезны и, прежде всего для самого мата. Они поддерживают его существование и его ценность. Мат как значимое явление существует, только когда есть что преодолевать. И если мне очень надо, то я эти слова произнесу, даже несмотря на штраф.

Мне кажется, есть такой очень яркий пример российского мата, это группа «Ленинград» и Шнур, который сделал ставку на мат, преодолевая запреты. И он пользуется гигантской популярностью до сих пор.
Приходится признать, что в жизни табу, хотя и не исчезли, но ослабли. Не могли студенты в советское

время громко материться в коридоре. А сегодня и школьники матерятся. И меня это скорее удручает. В этом я как обыватель — абсолютный консерватор.

9. ТАЙНА БОЛЬШОЙ БУКВЫ

КАСЮТИН
Всё чаще и в прессе, и в каких-то конторах мы встречаем написание должностей начальников с большой буквы: «Старший Помощник Младшего Дворника».
Это следствие каких-то процессов, происходящих в обществе? И что с этим делать журналистам в своих текстах?

Но это было и раньше. Не надо думать, что это появилось только сейчас. Вообще, я открою секрет. Наряду с правилами орфографии существуют как бы тайные правила. Тайное правительство. Или это можно считать народной орфографией.
У некоторых орфографических и пунктуационных правил и у самих знаков есть свои дополнительные значения. И у большой буквы есть своё тайное значение. Хотя понятно, что оно не совсем тайное, им все пользуются. Оно состоит в том, что большие буквы повышают значимость.
Каждому президенту, не важно президенту чего, хочется, чтобы его писали с прописной буквы. И хотя в правилах так рекомендуется именовать только президента страны, но и президенты фирм и компаний внутри компаний вполне могут писаться с прописной буквы, чтобы выразить уважение.
Вот примеры из орфографии, как бы слова исключения в советское время: «Отечество», «Родина» — писались с прописной буквы, если это — моя родина, моё отечество. А слово «бог» было понижено до строчной буквы, потому что общее направление было атеистическим. Сегодня, наоборот, в слове «Бог» рекомендуют писать прописную букву (если речь идёт о монотеизме), а «родину» и «отечество» начинать со строчной. При этом что-то регулируется правилами, а что-то нет. Вот слово «институт» вроде бы надо писать с прописной буквы, а «кафедру», её значимость уже помельче, можно писать со

строчной. А лабораторию — надо писать с большой? И так могут сделать сами сотрудники лаборатории. То есть на самом деле есть какие-то неформальные правила, на которые мы часто опираемся.
Ещё один пример использования прописной буквы. Когда к нам приходит какое-то иностранное слово, мы не очень понимаем, как с ним быть? Вот «интернет» изначально писался в кавычках и с прописной буквы. А ещё раньше просто латиницей, и это слово не склонялось. Но, по мере освоения слово «интернет» начало склоняться, исчезли кавычки и исчезла, наконец, прописная буква. И сегодня в основном это слово пишут маленькими строчными буквами — интернет. Слово, естественно, склоняют, и всё хорошо.
Примерно то же происходит и с названиями социальных сетей. Активные пользователи фейсбука тоже отказываются от кавычек и от первой прописной буквы.
Поэтому в русском языке есть неформальное использование прописных букв, а также имеется ряд других графических, орфографических и пунктуационных приёмов.

У КАЖДОГО ЗНАКА ПРЕПИНАНИЯ ТОЖЕ ЕСТЬ СВОИ НЕФОРМАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ. И ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ЗЛОУПОТРЕБЛЯЕТ МНОГОТОЧИЕМ, МЫ МОЖЕМ ЧТО-ТО СКАЗАТЬ О ЕГО ПСИХОЛОГИИ.

А что касается конкретно ваших примеров. Конечно, частое употребление заглавной буквы, как и в случае с матом, приводит к её обесцениванию. Здесь работает тот же механизм, как и с матом. К тому же заглавные буквы сильно мешают чтению. Потому подобным образом переданное уважение перестаёт работать, оно становится формальным.

Я призываю не злоупотреблять прописными буквами. А если мы имеем дело с составными наименованиями, то в соответствии с правилами с заглавной буквы пишется только первое слово. И уж точно не писать с заглавной буквы слова президент, дума и т.д. Исключения здесь делаются только для президента страны и для Государственной думы.

10. НУЖНО ЛИ ВЫМАРЫВАТЬ СМАЙЛИК?

КАСЮТИН
Пишущие в наш журнал коллеги всё чаще ставят в текстах смайлики. Нужно ли их вымарывать или лучше смириться?

С одной стороны, смайлик возник как очень важное явление в новой письменной речи. Потому что, как выяснилось, болтать, разговаривать письменно трудно. Письменная речь более сухая, в ней нет интонаций, в ней нет мимики. Смайлики раскрашивают письменную речь, делая её более пригодной для общения. Это как раз пример обогащения языка, обогащение письменной речи. То есть смайлики очень пришлись ко двору.
Конечно, их не должно быть много. В реальности по делу мы используем несколько смайликов. А остальные сотни символов, которые существуют, — это просто картинки, и мы даже не понимаем их значения.
И они являются действительно важными коммуникативными инструментами. Они появились именно в интернет-речи, в той особой речи, промежуточной между устной и письменной.
Второй тезис, что нет границы между этими языками, которую нельзя перейти. И экспансия интернет-речи в письменную речь имеет место. И, скажем, в статьях, в монологах, в нарративах, то есть в обычной письменной речи, стали появляться элементы интернет-речи.
Как с ними быть? Я бы считал, что эта экспансия естественная. И ничего плохого в подобном лёгком проникновении нет. Но если человек начинает писать всю статью с помощью эмодзи или смайликов, это уже плохо. А если он один раз, для выразительности, ставит смайлик, причём уместно, может быть, и иронично, то я не вижу здесь большого греха. То есть это скорее вопрос вкуса, чем какого-то запрета.

ВЯТКИН, КАСЮТИН
Большое спасибо за интересный и полезный разговор!

&